

ЗНАЧЕНИЕ ИМЕНИ „ЧЕЛОВѢКЪ“ У РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ.

(ВОГОСЛОВСКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ АНАЛИЗЪ).

(продолженіе) (1)

Древнѣйшее послѣ имени „Адамъ“ названіе чело-
вѣка есть индо-европейское *man* (2), или *manu* (3).
Древнѣйшимъ считаемъ это названіе потому, что ко-
рень его сохранился не только въ индо-европейскомъ,
но и въ семитическомъ семействѣ языковъ.

Современная наука о языкѣ, или сравнительная
филологія, относительную древность названій опреде-
ляетъ слѣдующимъ способомъ: чѣмъ въ болѣе-
мъ количествѣ языковъ сохранилось извѣстное названіе,
тѣмъ оно древнѣе. При этомъ наука руководится слѣдую-
щимъ весьма основательнымъ соображеніемъ: тождест-
венность названія одного и тогоже предмета въ нѣ-
сколькихъ языкахъ вѣрнѣ всего объясняется тѣмъ,
что названіе это образовалось еще въ то время,
когда эти языки составляли одинъ языкъ, и удѣр-

(1) См. Правосл. Собес. ноябрь. 1870.

(2) Сохранившееся у англичанъ.

(3) Санскритское. *Макс-Мюллеръ. Лекц. по науцѣ о языкѣ*,
стр. 293. Спб. 1865.

жано потомъ въ каждомъ изъ нихъ послѣ ихъ обособленія. А такъ какъ кромѣ основнаго раздѣленія одного общечеловѣческаго языка на нѣсколько діалектовъ,—раздѣленія, совершившагося нѣкогда по волѣ Божіей и извѣстнаго подъ именемъ смѣшенія языковъ (Быт. 11, 7—9), было много еще подраздѣленій; то и изъ названій одни могутъ быть общими только извѣстной группѣ языковъ и, значить, образовались, когда эта группа (одна эта группа языковъ, а не всѣ языки) составляла еще одинъ языкъ (когда, напри- мѣръ, группа славянскихъ языковъ составляла одинъ общій языкъ славянскій), другія же могутъ быть общими пѣлому семейству языковъ (наприм. семейству индо-европейскому) и, значить, образовались тогда, когда древній общій индо-европейскій языкъ еще не успѣлъ развиться въ разные діалекты, наконецъ третьи могутъ быть общими даже нѣсколькимъ семействамъ языковъ (наприм. семейству индо-европейскому и туранскому, или индо-европейскому и семитическому и т. д.) и, значить, образовались еще раньше—тогда, когда все чело- вѣчество говорило однимъ языкомъ. Какъ имя *adam*, такъ и слово *tan* или *tanu* явились, по нашему мнѣнію, въ этотъ древнѣйшій, такъ сказать, первобы- ный періодъ. Какъ корень перваго *dam* сохранился не только въ семитическихъ языкахъ, но и въ индо- европейскихъ, такъ корень втораго *ta* сохранился не только въ индо-европейскихъ, но и въ семитическихъ языкахъ. Мы говорили прежде, что еврейское *dan* находится въ родствѣ съ *damah*, что значитъ: *быть подобнымъ, мыслить*. А какъ мышленіе предполагаетъ пріостановку всякой внѣшней дѣятельности⁽¹⁾, то гла- голъ *damah* значитъ и: *пересталъ (пересталъ дѣлать,*

(¹) Древнѣе не только мышленіе, но и даже ученіе называли досугомъ, отдохновеніемъ = *σχολη*. *Столн*—это наша школа, но собственно оно значитъ: *досугъ*.

пересталъ говорить, замолчалъ) ⁽¹⁾, а тотъ же корень דַם (dam), только съ придыхательнымъ звукомъ ה = דַהַם (daham), указываетъ на ослабленіе силъ, на усталость ⁽²⁾, какъ въ причину, вслѣдствіе которой человѣкъ перестаетъ дѣлать что-либо. Въ большей части языковъ индо-европейскихъ корень этотъ сохранился, подобно еврейскому dam, съ простымъ первымъ звукомъ d, а въ санскритскомъ, въ параллель съ еврейскимъ daham, удержалъ также и придыхательный звукъ h. Но въ семействѣ языковъ индо-европейскихъ онъ получилъ нѣсколько иной оттѣнокъ значенія, получилъ значеніе мѣста, гдѣ человѣкъ обыкновенно пребывалъ, когда переставалъ работать, — мѣста, гдѣ онъ возобновлялъ свои ослабѣвшія силы и погружался въ одно размышленіе; получилъ значеніе *дома* и въ этомъ значеніи сохранился почти во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ: въ санскритскомъ — dāma ⁽³⁾ или dhama ⁽⁴⁾, въ греческомъ — δῶμος (dōmos) ⁽⁵⁾, въ латинскомъ — domus ⁽⁶⁾, въ нѣмецкомъ — dom (соборъ), въ англійскомъ — dome (куполь), domestic (домашній), во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ — dom или dum ⁽⁷⁾, въ русскомъ — *домъ*.

Не менѣе распространенъ и корень man; общесъ значение его — *мыслить*. Въ еврейскомъ языкѣ מַנַּח (manah) значитъ: *точно опредѣлилъ предметъ*. — *вычислилъ* ⁽⁸⁾; отсюда מַנַּח (manah, maneh) — *точно*

⁽¹⁾ *Gussetii Lexicon linguae Hebraicae*, p. 354. Lipsiae. 1743. *Stockii Clavis linguae Sanctae*, p. 189. Spb. 1827.

⁽²⁾ *Gussetius*, p. 331. *Stockius*, p. 179.

⁽³⁾ *Гильбердинъ*, О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ, стр. 48. Spb. 1853.

⁽⁴⁾ *Wopp, Glossarium Sanscrit.* стр. 183. Berolinj. 1847.

⁽⁵⁾ *Гомеръ*, Ил. 6, 244. Одисс. 7, 81.

⁽⁶⁾ *Цицеронъ*, *Вергилій* и др.

⁽⁷⁾ *Шимковичъ*, Корнесловъ русск. языка, сравн. съ нарѣч. славянскими. Спб. 1842.

⁽⁸⁾ *Gussetius*, p. 904. *Stockius*, p. 500.

опредѣленная часть, доли ⁽¹⁾ и греческое *μᾶ*—*μῆμα*, *опредѣленная мѣра или вѣсъ* ⁽²⁾. Есть основаніе думать, что эти слова произошли отъ болѣе древняго и болѣе простаго корня *ma* ⁽³⁾—*измѣрять*; откуда еврейское *mad* ⁽⁴⁾, арійское *mat-ga* ⁽⁵⁾, греческое *μετρον*—*мѣра* ⁽⁶⁾. Но такъ какъ измѣрить и точно опре-

(¹) *Gusset*. p. 904. *Stock*. p. 501.

(²) Платонъ, Греч. ораторы и др. писатели и всѣ лексикографы.

(³) *Макс-Мюллеръ*. Лекц. по наукѣ о языкѣ. Спб. 1865. стр. 293.

(⁴) *Ginselin*, p. 869. *Stockin*, p. 482.

(⁵) *Vopp*, *Glossarium Sanscrit*. p. 262. *Berolini*. 1847. *Гильфбердингъ*, О сродствѣ языка славянск. съ санскрит. стр. 130. Спб. 1853.

(⁶) Не слѣдуетъ удивляться такому сближенію двухъ повидному совершенно разнохарактерныхъ семействъ, киковы семейства семитическое и индо-европейское. Уже въ 1778 г. Галльгедъ замѣчаетъ въ предисловіи къ своей грамматикѣ бенгальскаго языка: «меня поразило сходство санскритскихъ словъ съ арабскими; и это сходство я нашелъ не въ техническихъ и метафорическихъ выраженіяхъ, которыя могли быть введены случайно обиходомъ утонченныхъ искусствъ и усовершенствованныхъ нравовъ, но и въ главныхъ основаніяхъ языка, въ односложныхъ словахъ, въ названіяхъ именъ числительныхъ и тѣхъ предметовъ, которые могли быть различаемы прежде всего». *Макс-Мюллеръ*, стр. 119.

Скажемъ болѣе: чѣмъ больше будетъ количество сравниваемыхъ языковъ, тѣмъ вѣрнѣе будутъ и научные выводы и заключенія и, наоборотъ, чѣмъ менше будетъ количество сравниваемыхъ семействъ, тѣмъ менше вѣрны будутъ и научные выводы. Такъ филологическія изслѣдованія, сдѣланныя надъ одними индо-европейскими языками, привели филологовъ къ тому ошибочному заключенію, будто источниками древнѣйшаго человѣческаго вѣрованія были солнце, вѣра; а сравнительная мифологія видитъ эти источники въ бурѣ, громѣ и т. п. Ни та, ни другая гипотеза, по нашему мнѣнію, не могутъ быть признаны истинными. Олицетвореніе бури, грома — явленіе позднѣйшее; почитаніе свѣтилъ, если и древнѣе, то сравнительно и оно явля-

дѣлать предметъ можно не иначе, какъ только при помощи соображенія, ума; и такъ какъ древнѣе въ самомъ уиѣ видѣли какъ-бы изобрѣтателя предметовъ, то

нѣ довольно позднее. Если границы сравнительной филологіи расширить и включить въ нихъ и другія семейства языковъ, кромѣ индо-европейскихъ; то окажется, что первобытные люди — язычники представляли сначала божество ни богѣ ни мепѣ, какъ какою-то живою движущеюся силою, къ понятію о которой только со-временемъ былъ прибавленъ эпитетъ: *святѣйшій*, *святѣйшій*, *ясный*, а всего точнѣе: *дивный*; и первоначально эпитетъ этотъ, быть можетъ, имѣлъ одно послѣднее, общее значеніе: *дивный*, а потомъ, когда стали боготворить свѣтила, онъ получилъ и богѣ частное значеніе: *святѣйшій*. Гипотеза, что въ вѣрованіи первобытныхъ людей заключалось уже представленіе о божественности свѣта, основывается на томъ, что для всего арійскаго семейства было одинаковое имя для Бога, и что имя это заключало въ себѣ понятіе о свѣтѣ: санскрит. *deva*, лат. *deus*, греч. *theos*, лит. *dewas*, латт. *deus*, древне-персидское *deiva*... Но всѣ эти названія собственно только эпитеты божества; всѣ они прилагательныя; всѣ они, если что доказываютъ и доказываютъ дѣйствительно несомнѣнно, такъ только то, что было время, когда арійское племя боготворило свѣтъ; а что время это было временемъ первобытныхъ людей, того далеко не доказываютъ. Ранѣе арійскаго семейства существовало семейство общечеловѣческое, когда были *устнѣ единѣ*, и *гласѣ единѣ всѣмъ* (Быт. 11, 1). Какъ представлялось человечеству божество въ эту отдаленную эпоху? Библия ясно говоритъ, какъ представляли божество первые люди. Но мы ставимъ возраженіе сравнительной филологіи на основаніяхъ, заимствованныхъ изъ нея же самой. Если почитаніе свѣта признается древнѣйшимъ явленіемъ потому, что божескій эпитетъ «дивный» сохранился во всѣхъ языкахъ семейства индо-европейскаго; то представленіе о божествѣ, о *силѣ движенія* вообще, и въ частности какъ о силѣ мыслящей и говорящей, любящей и производящей, — представленіе, выраженное одинаковымъ именемъ не только во всѣхъ языкахъ индо-европейскихъ, но и въ семитическихъ, — слѣдуетъ признавать древнѣе представленія о божествѣ, какъ о *свѣтѣ*. Это имя — *Rea* или *Ra*. Если египетское *Ra* есть богъ солнца, а индійское Инд-Ра — высшій духъ, владыка Инда, и въ тоже вре-

корень *ma*, растянутый въ *man*, принялъ въ индо-европейскихъ языкахъ значеніе *обдумыванія*, *мысленія*; такъ санскритское *man* значитъ: *мыслить*, *обдумывать* ⁽¹⁾, но при этомъ оно сохранило и прежнее значеніе: *точно определять* или *оцѣнивать что-либо* ⁽²⁾. Изъ *man* образовались и сохранились въ санскритѣ *manas*—*умъ*; *manas*, *manu*, а въ позднѣйшемъ санскритѣ *manusha*, *manushya*—*человѣкъ* ⁽³⁾.

ma—*дуна*; такъ это потому, что въ періодъ боготворенія свѣтила египтянъ, равно какъ и арійцы понятіе о свѣтѣ обозначали первоначально тѣмъ же именемъ, какимъ и понятіе о движеніи; такъ какъ свѣтила представлялись имъ движущимися. А что корень *ga* (*pa*) выражалъ первоначально понятіе *движенія*,—это видно какъ изъ того, что символомъ бога-солнца у египтянъ былъ ястребъ, собственно символъ быстрого полета (*Петискуса Олимпъ*, стр. 451. Спб. 1861), такъ и изъ того, что чистый санскритскій корень *gan* значитъ только *идти*, *блуждать*, *течь*, а производный отъ него глаголъ *ganh* значитъ и *идти* и *свѣтить*—*блистать* (*Ворр*, Glossar. Sanscrit. p. 284. 285). Всего же болѣе первоначальное значеніе этого корня выясняется изъ сличенія равныхъ языковъ: у евреевъ— גַּחַח (*gach*—*духъ вообще* и *Духъ Божій*, *носившійся* надъ безжизненной еще матеріей), также גַּחַח (*gach*—*дружъ*), גַּחַח (*gi*—*орошеніе*); у грековъ и римлянъ— ῥέω , *rhea* (собственно *теченіе*, въ родствѣ съ ῥέω —*теку*, потомъ богиня плодородія, *Петискуса*, стр. 533); у арійцевъ *gan* (*идти*, *блуждать*, *течь*—), также *gas* (*любить*); у готевъ—*gann* (*блуждать*, *течь*. *Ворр*, Glossar. p. 285); у германцевъ *gennen* и *ginnen*; у славянъ *рею* или *рюю* (*плавно стремлюсь*, *быстро несусь*, *теку*, *лечу*, *падаю*. *Словарь Далл*, стр. 85, выпуск. 17. Москва. 1866), также *радъ*, *роды*; у евреевъ גַּחַח (*gach*—*видѣть*), у арійцевъ *ganh* (*свѣтить*); у евреевъ— גַּחַח (*ga*—*мысленіе*), у римлянъ *geor* (*думаю*). Параллель значеній этого корня между семитическими и индо-европейскими языками можно было бы провести и далѣе; но тогда мы далеко уклонились бы отъ предмета.

⁽¹⁾ *Ворр*, Glossar. p. 256. *Максъ-Мюллеръ*, *Лекц. о языкѣ*, стр. 293.

⁽²⁾ *Ворр*, p. 257.

⁽³⁾ Тамже, p. 257.

⁽⁴⁾ *Максъ-Мюллеръ*, стр. 293.

Такъ названъ челоѣкъ еще въ то время, когда ираняне и индйцы составляли одно племя и назывались однимъ общимъ именемъ Arja—арйцы (¹).

Замѣчательно, что тотъ же корень тап послужилъ арйцамъ и для обозначенія понятія о высшемъ существѣ — Богѣ, только съ прибавленіемъ другаго корня grah—*увеличиваться*; при чемъ р измѣнилось въ b, и получилось Brah-tap—*Брагма* или *Брама* (²). Такимъ образомъ Brahman будетъ значить *высшій духъ* или *высшій умъ*.

Первый, еще не падшій и созерцавшій Бога лицомъ къ лицу, челоѣкъ понятіе о себѣ, какъ мы видѣли (³), составилъ по понятію о Богѣ; челоѣкъ падшій и забывшій Бога понятіе о божествѣ начинаетъ составлять по понятію о себѣ самомъ. Первый челоѣкъ въ своемъ существѣ увидѣлъ подобіе Существоу высочайшему; челоѣкъ падшій забываетъ, что онъ подобіе Божества и хотя понятіе о Божествѣ составляетъ по тойже природѣ своего существа, со стороны которой первый челоѣкъ видѣлъ въ себѣ подобіе Божеству; но къ понятію о Богѣ восходитъ уже отъ понятія о себѣ самомъ и именно отъ понятія о той сторонѣ своей природы, которую онъ стоитъ выше всѣхъ прочихъ тварей; въ отличіе же Божества отъ себя онъ идеализируетъ эту сторону своей природы,—себя называетъ просто тап (*мыслитель*), а Бога—Brah-tap (*высшій мыслитель*).

Эллины, римляне и славяне не удовольствовались этимъ названіемъ челоѣка. Причины, почему они не удовольствовались, видны будутъ ниже, при разборѣ ими самими данныхъ челоѣку названій. Но корень тап съ его значеніемъ сохранился и у нихъ. У грековъ есть слово *μῦσος*, *μυσομαί*—*помню*, но у Гомера

(¹) Веберъ, Всемирн. истор. кн. 1. стр. 259. Спб. 1860.

(²) Вортъ, Glossar. p. 240.

(³) Правосл. Собес. ноябрь. 1870.

оно значить и *думать о чемъ* ⁽¹⁾. Въ родствѣ съ *mens* находимъ у нихъ *μενομας*—*имѣю въ умѣ, въ мысляхъ*, и *μενος*—*силы*, какъ тѣлесная, такъ и душевная; Гомеръ ставитъ *μενος*, какъ синонимъ, рядомъ съ словомъ *ψυχη*—*душа* ⁽²⁾. У римлянъ сохранилось слово *mens* и значить: *умъ, душа, мысль, хотѣнье, память* ⁽³⁾. Что касается славянъ, то корень этотъ сохранился почти во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ: въ церковно-славянскомъ—*мнѣти*, въ боснійскомъ *mniti*, въ богемскомъ—*mneti*, въ вѣдскомъ и краинскомъ—*mieniti*, въ верхне-лузацкомъ—*mienicz*, въ польскомъ—*mniesz*, въ рагузскомъ—*mnitti* ⁽⁴⁾, въ древне-русскомъ *мню*, откуда—*помню* и *па-мять* (*я* въ этомъ существительномъ—носовое, скрывающее въ себѣ и звукъ *н*).

Нѣмцы и англичане въ названіи человѣка сохранили чистый древнѣйшій санскритскій корень. Нѣмцы называютъ человѣка *man* въ значеніи *человѣкъ вообще*; *man sagt*—*говорятъ*, точнѣе: *человѣкъ говоритъ, кто-то говоритъ* ⁽⁵⁾; отсюда *mann*—*мужчина, мужъ* и т. д. Кромѣ этого у нѣмцевъ есть еще одно названіе человѣку; это—*mensch*. *Mensch*—не что иное, какъ видоизмѣненіе тогоже корня *man* и значить тоже, то есть, *мыслитель*. Видоизмѣненіе это стоитъ въ связи съ видоизмѣненіемъ тогоже самаго корня у римлянъ. Мы уже имѣли случай говорить о латинскомъ *mens* (*умъ*); по нашему мнѣнію, *mens* и *mensch*—совершенно одно и тоже. А что нѣмцы расположены были удерживать за человѣкомъ названіе мыслителя, это подтверждается частію и тѣмъ, что въ придуманномъ уже

⁽¹⁾ *Damini Lexicon Graecum*. Londini. 1824.

⁽²⁾ *Ивашковск.* Греческо-русс. словарь. т. III. стр. 53.

⁽³⁾ *Кронберъ*, Лексиконъ латинско-русскій. Москва. 1860.

⁽⁴⁾ *Шимкевичъ*, Корнесловъ русск. языка, стр. 145. Спб. 1842.

⁽⁵⁾ Также же явленіе видимъ и во французскомъ языкѣ.

Французское (1') *homme* сократилось въ *он* и образовало оборотъ: *он dit*.

или самими ихъ народномъ имени заключаеся тоже понятіе. Народное ихъ имя—deutsch или teutsch⁽¹⁾ (тевтоны). Изъ санскритскаго deva—ясный образовался глаголъ deuten—*изяснять, толковать*, а изъ этого послѣдняго deutsch—*обясняющій, толкующій*... Англичане въ названіи, данномъ ими человѣку, удержали одинъ лишь частый санскритскій корень man⁽²⁾.

Не смотря однакоже на то, что названіе человѣка у англичанъ и нѣмцевъ тоже самое, что и у арійцевъ, первые (нѣмцы и англичане) нѣсколько отличаются отъ послѣднихъ во взглядѣ на человѣка. Это видно изъ того, что, удержавъ за человѣкомъ тоже самое названіе, Божеству они даютъ названіе, совершенно отличное отъ названія арійскаго, названіе, которое не стоитъ уже въ связи съ названіемъ человѣка; тогда какъ арійцы имя Божества поставили въ органическую связь съ именемъ человѣка. Такъ какъ у арійцевъ осталось еще, хотя и смутное, представленіе о близости Божества къ человѣку,—что доказывается ихъ вѣрованіемъ въ сліяніе человѣка съ Брамю: то понятіе о Богѣ они выразили тѣмъ же самымъ словомъ, какимъ и понятіе о человѣкѣ, только съ прибавкою къ нему эпитета „высшій“; человѣка, какъ мы видѣли, назвали мыслителемъ, а Бога—вышшимъ мыслителемъ. Тевтоны или нѣмцы, равно какъ и англичане (язычники) оставили за человѣкомъ тоже самое названіе, какое дали ему арійцы, но для Божества названіе за-

(1) *Reiff*, Parallel-Wörterb. стр. 782. Спб. 1865. Звуки *d* и *t* очень часто замѣняются одинъ другимъ; такъ латинск. *deus* у готевъ—*thius*, у грековъ—*theos*.

(2) Кроме того корень *man* сохранился еще въ слѣдующихъ языкахъ: въ литовскомъ—*minnati*, въ латышскомъ—*minneht*, въ нѣмецкомъ—*meinen*, *meinen*, въ англо-саксонскомъ—*menan*, въ исландскомъ—*meina*, въ шведскомъ *mena*, въ датскомъ—*men*; въ готскомъ—*manan*. *Шимке ичъ*, Корнесловъ русскаго языка, стр. 145. Спб. 1842.

имствовали уже отъ другаго совершенно корня⁽¹⁾ и этимъ обнаружили, что они вовсе уже начали терять понятіе о близкой связи Божества съ человѣкомъ. Различіе это во взглядѣ на человѣка касается, правда, не самой природы человѣка, а только отношенія его къ Богу. Со стороны природы нѣмцы и англичане смотрятъ на человѣка такъ же, какъ и арійцы; какъ тѣ, такъ и другіе главнымъ отличительнымъ свойствомъ человѣка считаютъ, подобно арійцамъ, его мыслительную способность. Тождественность взгляда на человѣка двухъ новыхъ народовъ съ однимъ изъ народовъ древнѣйшихъ,—взгляда, лежащаго въ основѣ самаго характера этихъ народовъ, необходимо предполагать, если уже не тождественность, то по крайней мѣрѣ сходство первыхъ съ послѣднимъ и въ прогрессивномъ ходѣ развитія. Дѣйствительно нѣмцы и англичане продолжаютъ идти тѣмъ же путемъ развитія, какимъ начали идти арійцы; какъ у послѣднихъ (арійцевъ), такъ и у первыхъ умственная сторона развивалась быстрѣе другихъ сторонъ человѣческой природы; какъ тѣ, такъ и другіе являются мыслителями—философами по преимуществу.

За именемъ тап, тапи слѣдуетъ названіе, данное человѣку римлянами,—*homo*. Названіе это древнѣе греческаго *ἄνθρωπος* если уже не по времени образованія, то потому, что въ немъ такъ же, какъ и въ тап, звучитъ простой, несложный арійскій корень; тогда какъ греческое *ἄνθρωπος* — *ἄνθρωπος* прямо изобличаетъ собою сложную форму, хотя вошедшіе въ составъ ея корни также находимъ уже у арійцевъ. Латинскому названію *homo* придаютъ часто невѣрное, по нашему мнѣнію, значеніе. Заблужденіе

(1) Нѣмецкое *Gott* и англійское *God* находятся въ родствѣ съ *gut* и *good*—*добрыя*, и «происходятъ отъ готскаго *gods*, что значитъ: *благо*». *Петисхусъ*, стр. 487.

происходить, повидимому, отъ того, что невѣрно понимаютъ слово *humus* (земля), съ которымъ сопоставляютъ *homo* (1). Какъ *homo* такъ и *humus*, быть можетъ, дѣйствительно одного корня. Но если такъ, то *humus* не будетъ значить *земля*. Тогда *humus* будетъ значить: *смѣсь* или *соединеніе сухихъ элементовъ съ жидкими*, будетъ не земля (*terra*) и не вода (*aqua*), а влажное вещество (*humor*), въ которомъ *соединены вмѣстѣ* твердые и жидкіе элементы. Тогда зерномъ, изъ котораго выродилось слово *humus* (также и *humor*), будетъ тотъ же корень, изъ котораго развилось и латинское названіе челоуѣка—*homo*. Корень этотъ санскритскій и есть *ama*—*вмѣстѣ* (2). Онъ цѣликомъ сохранился въ греческомъ *ἄμα*, изъ котораго, по всей вѣроятности, еще въ то время, когда два впослѣдствіи великія племени—элинское и латинское—составляли одно племя, развилось встрѣчающееся уже у Гомера (3) слово *amos*—*δμοος*; что значить: *вмѣстный, общій* и т. д. Отсюда—родительный падежъ и нарѣчіе: *δμοῦ*—*вмѣстъ* (4). А отсюда уже *moḥou* (5) и, чрезъ усѣченіе *у*, греческ. *υ*, *homo*. Но эта усѣченная полугласная въ произношеніи долгое время не исчезала совершенно и характеризовалась нѣсколько удлинненнымъ произношеніемъ послѣдняго слога; отъ того косвенные падежи имѣютъ носовое *η*: *hominis*, *homines* и т. д.; отъ того же и французское не (l') *hōme*, а *hōmme*. Такого мнѣнія о происхожденіи названія *homo* держится Фор-

(1) «*Homo* заключаетъ въ себя понятіе о существѣ, слѣланномъ изъ праха земли», говоритъ Мѣксъ-Мюллеръ, *Лекц. по наук. о языкѣ*, стр. 292.

(2) *Vopp*, *Glossar. Sanscrit.* p. 16.

(3) *Ил. вѣсп.* 4, ст. 437; п. 23, ст. 91; п. 24, ст. 57. *Одисс. вѣсп.* 10, ст. 41; п. 17, ст. 563 и проч.

(4) Родит. падежъ въ древнемъ греческ. языкѣ иногда не отличался отъ нарѣчія.

(5) Греческое густое дыханіе у римлянъ переходило въ звукъ *h*; такъ греческ. *Ὅμηρος* у римлянъ—*Номегис*.

целлинь (¹)..... Такимъ образомъ латинское homo, отъ ὁμοῦ—*амтеть* или отъ ὁμός—*амтанный, общій*, будетъ значить: *стремящійся къ объединенію, къ сжучиванію, къ обобщенію или общинный*. А если прадегательное отъ homo образовалось въ формѣ болѣе близкой къ humus, humor, чѣмъ къ homo, именно—въ формѣ humanus; такъ это или отъ того, что оба слова имѣютъ одинъ и тотъ же корень, или же отъ того, что замѣна звука o звукомъ u (ou) какъ у грековъ, такъ и у римлянъ представляется явленіемъ очень обыкновеннымъ; такъ *весь* — погречески ὅλος и οὖλος, *рябина* (ягоды) ὄον и οὔον, *народъ, толпа*—полагаяи volgus и vulgus, *рана*—volnus и vulnus, *рано*—volnero и vulnero и т. д.

У грековъ, какъ нѣкогда иноплеменныхъ римлянамъ, также сильно развивалась общественная жизнь и на человѣка они смотрѣли также, какъ на ζῷον πολιτικόν; но они, какъ увидимъ послѣ, въ этомъ стремленіи человѣка видѣли проявленіе одной изъ существенныхъ, *внутреннихъ* силъ его, видѣли проявленіе силы, лежащей въ самой природѣ человѣка; тогда какъ на развитіе взгляда на (человѣка римскаго) человѣка вляли главнымъ образомъ внѣшнія обстоятельства,—сначала сопротивленіе вытѣсненному нѣкогда латинское племя изъ долины въ долину балканскаго (турско-греческаго) полуострова и наконецъ совершенно вытѣсненному его съ этого полуострова эллинскому племени, а потомъ мѣстные условія новаго поселенія латинянъ, то есть, мѣстные условія апеннинскаго или итальянскаго полуострова, разумѣемъ большія равнины, много способствовавшія къ обобщенію въ большихъ размѣрахъ. Поэтому римляне останавливались главнымъ образомъ на внѣшнихъ сторонахъ

(¹) Forcellini, Totius Latinitatis Lexicon. t. II, p. 417: Londini. 1839. Homo volunt alii esse ab humo, quod non placet Quint. 1, 6, alii ab ὁμοῦ, quod sit societatis amans.

общественной жизни, на развитіи не общественной въ строгомъ смыслѣ, а государственной жизни, на развитіи послѣдовательныхъ законовъ въ этомъ характерѣ и на завоеваніяхъ. Задачею римлянъ было выработать идеаль не общества, а государства, члены котораго объединялись не единствомъ свободныхъ стремленій, но внѣшней силой и государственными законами. *Нотіпес—существа, живущія вмѣстѣ*, и только.

Такъ назвали латиняне человѣка, а гражданину усвоили имя *Romanus* отъ *Roma—Римъ*, то есть, римлянинъ или членъ римскаго государства. Болѣе внѣшняго признака для обозначенія понятія „гражданинъ“ и придумать нельзя. Но вѣдь нельзя также и найти другаго народа, который развилъ бы до такой степени внѣшній строй государственной жизни, какой въ свое время достигли въ этомъ отношеніи римляне.

А. Некрасовъ.

(окончаніе будетъ)